

Оригинальная статья / Original article

Предпосылки современного китайско-американского противоборства¹

© А.В. ГУБИН

Губин Андрей Владимирович, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР), gubin.av@dvfu.ru. ORCID: 0000-0001-6042-5754

Цель статьи – проанализировать причины комплексного противоборства КНР и США в современных условиях. Представляют интерес теоретическая, методологическая и идеологическая основы нарастания напряженности между этими странами. Новизна работы заключается в анализе предпосылок противостояния, с одной стороны, с точки зрения теории международных отношений, с другой – с учетом экспертных оценок, мнений политических деятелей, а также практической политики. Сформулирован вывод: новый виток конфликтности в мире вызван активизацией деятельности США, чтобы восстановить свое влияние и не допустить укрепления иных центров силы. Ориентация на многомерную конфронтацию без прямого военного столкновения была предопределена еще 30 лет назад. В то же время сейчас очевидно, что китайские инициативы в сфере экономики и безопасности находят все больше сторонников. В этих условиях, когда невозможно говорить об однозначном превосходстве США или Китая, необходим поиск компромиссов, возможностей для мирного сосуществования.

Ключевые слова: Китай, США, мировой порядок, глобальная безопасность, система международных отношений

Цитирование: Губин А.В. (2024) Предпосылки современного китайско-американского противоборства // Общественные науки и современность. № 2. С. 26–39. DOI: 10.31857/S0869049924020026, EDN: zndhji

¹ Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Китайской академии общественных наук (КАОН) в рамках научного проекта № 20-511-93005 «Развитие стратегического партнерства России и Китая в Восточной Азии».

Funding. This research was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Chinese Academy of Social Sciences (CASS), project number 20-511-93005.

Prerequisites for the Present China–US Confrontation

© A. GUBIN

Andrey Gubin, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), Jilin University (Changchun, China), gubin.av@dvfu.ru. ORCID: 0000-0001-6042-5754

Abstract. The reasons for the complex confrontation between China and the United States in current conditions are analyzed. The theoretical, methodological and ideological foundations of the increase in tension between these countries are of interest. The novelty of the work lies in the analysis of the prerequisites for the confrontation, on the one hand, from the point of view of the theory of international relations, and on the other, taking into account expert assessments, opinions of politicians, as well as practical politics. The conclusion is formulated: a new round of conflict in the world is caused by the intensification of US activities to restore its influence and prevent the strengthening of other centers of power. The focus on multidimensional confrontation without direct military conflict was predetermined 30 years ago. At the same time, it is now obvious that Chinese initiatives in the field of economics and security are finding more and more supporters. In these conditions, when it is impossible to talk about the unambiguous superiority of the United States or China, a search for compromises and possibilities for peaceful coexistence is necessary.

Keywords: China, USA, world order, global security, system of international relations

Citation: Gubin A.V. (2024) Prerequisites for the Present China–US Confrontation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 26–39. DOI: 10.31857/S0869049924020026, EDN: zndhji (In Russ.).

Сегодня мировой политический процесс во многом определяют американо-китайские отношения. КНР и США занимают лидирующие места по валовому внутреннему продукту и объему внешнеторговых операций, их торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество достигло беспрецедентных масштабов. Обе страны также обладают крупнейшими вооруженными силами, что позволяет отстаивать собственные интересы и обеспечивать свою безопасность, а также распространять свое влияние в регионах, представляющих для них стратегическое значение. Кроме того, в последнее время на отношения Пекина и Вашингтона стал влиять и ядерный фактор – во многом благодаря модернизации Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и наращиванию КНР стратегических ядерных сил.

Среди теоретиков и практиков нет единого мнения относительно отправной точки противоборства в разных сферах между КНР и США. Распространено мнение, что противоречия были заложены администрацией американского президента Б. Обамы, которая провозгласила политику «перебалансировки» в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в 2009 г. Двусторонние отношения существенно ухудшились после принятия Д. Трампом курса на строительство «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» в 2017 г., который был основан на принципах многомерной конкуренции с Китаем и ограничения экономических, технологических и военных возможностей Пекина посредством укрепления союзных и партнерских связей США с другими региональными акторами.

Тем не менее было бы неправильным утверждать, что ранее в США и Китае не осознавали неотвратимость возможного столкновения интересов и нарастания противоречий. Для давления на китайское руководство и ухудшения международного имиджа КНР американцы раскручивают проблематику горячих точек в регионе, таких, например, как

Тайваньский пролив и Южно-Китайское море. Кроме того, они намеренно привлекают внимание мирового сообщества к вымышленным темам: «нарушению прав человека» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и в Гонконге, мировой «китайской экспансии», «нарушению прав интеллектуальной собственности» и др. Важно, что западные теоретики обосновали вероятность столкновения интересов Вашингтона и Пекина более 30 лет назад, когда экономические и военные возможности двух стран были несоизмеримы. Вместе с тем американское руководство не предприняло мер, чтобы не допустить подобного развития событий, что может свидетельствовать о его системных стратегических просчетах.

Анализируя причины возникновения противоборства КНР и США на современном этапе, нужно принимать во внимание теоретическую и идеологическую основы нарастания напряженности. Новизна работы связана с рассмотрением предпосылок противостояния, с одной стороны, с точки зрения теории международных отношений, с другой – с учетом экспертных оценок, мнений политических деятелей, а также практической политики. Методология исследования выстроена вокруг системного подхода с привлечением элементов компаративного и ряда эвристических методов (синектика, аналогия, функциональный анализ и др.). Источниковую базу составили работы американских и китайских авторов – теоретиков и практиков международных отношений. Важную роль играют официальные документы, выступления политических деятелей, экспертные оценки. Нижняя граница хронологических рамок работы относится к концу 1980-х – началу 1990-х гг., когда впервые заговорили о неизбежности американско-китайских противоречий.

Турбулентность как конец однополярности

Сегодня глобальные политические и экономические процессы в значительной мере сосредоточены в АТР. Однако набирающее обороты противостояние США и КНР распространяется по всему миру. Американско-китайское соперничество – это не результат случайного недопонимания и тактических ошибок, а следствие изменения после распада Советского Союза системы международных отношений. И США, и КНР претендуют сегодня на роль единственного тихоокеанского лидера. Несмотря на позитивный опыт компромиссов в 1970–1980-е гг., Вашингтон явно не намерен уступить свои позиции глобального гегемона и позволить другим державам выйти на первые роли в стратегически значимых для него регионах.

После окончания холодной войны и распада биполярной системы международных отношений, основанной на взаимном сдерживании и балансе сил, государства Азиатско-Тихоокеанского региона оказались в ситуации анархии или, согласно терминологии американского политолога Дж. Розенау, турбулентности. Главная особенность турбулентной политики – неопределенность. После распада биполярной системы формирование мировой политики происходило в условиях наращивания сложности и динамизма социально-политических процессов, в то время как сложившиеся ранее правила уже не работали [Rosenau 1990]. Одна из причин турбулентности – неспособность государств эффективно решать внутренние политические вопросы, которые все теснее переплетаются с международными проблемами и выходят за рамки юрисдикции этих стран [Баранов 2018].

В конце XX в. в мире утвердилась гегемония единственной сверхдержавы – США, однако эта ситуация не могла продолжаться долго в силу нарастания турбулентности. Оказалось, что возможности сверхдержавы поддерживать порядок в глобальном масштабе и одновременно решать собственные задачи ограничены. Соединенные Штаты все еще превосходят другие государства по индексу совокупной мощи, включая ее военный ком-

понент, но большинство требующих решения проблем не поддается только силовому воздействию. Фактически Вашингтон оказался не в состоянии мотивировать партнеров объединиться на добровольной основе, а также противодействовать возникновению форматов, альтернативных американоцентричным. Более того, в ряде случаев отмечаются трения и между союзниками Вашингтона, которые стремятся найти выгодные для себя варианты защиты национальных интересов.

В ходе мировой истории отношения между доминирующей державой и ее потенциальными соперниками нередко приводили к конфликтам. Лидеры позиционируют себя как поборников справедливого международного порядка, который на самом деле отвечает их интересам, тогда как новым силам требуется пространство для развития за пределами status quo. Как отметил бывший премьер-министр Сингапура Ли Кван Ю, «XXI век будет ознаменован соревнованием за лидерство на Тихом океане как ключевом регионе роста... кто не имеет твердых позиций в Тихоокеанском бассейне, не может оставаться в роли мирового лидера»².

Согласно воззрениям известного китайского теоретика Янь Сюэтуна, американское господство после окончания холодной войны носило исключительно временный характер – до формирования биполярности нового образца, в которой Китай будет играть роль «младшей сверхдержавы» [Yan 2019]. Однако сегодня ситуация складывается таким образом, что сложно говорить о создании определенной иерархии в международных отношениях. Вашингтон и его союзники усматривают в мирном росте КНР непосредственную угрозу собственному лидерству и либеральному миропорядку, хотя Пекин никогда открыто не провозглашал цель свергнуть западную гегемонию и не противопоставлял себя западной цивилизации. В частности, заведующий отделом международных связей Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) Лю Цзяньчао во время визита в США в январе 2024 г. отметил, что «Китай не ищет путей изменения современного мирового порядка или создания нового, поскольку получает очевидную выгоду от текущего положения дел»³.

Теоретические обоснования снижения могущества США

Современная ситуация в американо-китайских отношениях укладывается в теорию циклов, которую предложил в конце 1970-х гг. американский ученый Дж. Модельски [Современные теории международных отношений... 2013, 50–64]. В данной интерпретации международные отношения предстают как система глобального управления во главе с государством-лидером. В политическом устройстве участвуют все великие державы, однако центральный его элемент составляют отношения между государством-лидером и его ближайшим соперником. Через регулярные промежутки времени основной потенциал силы концентрируется в руках одного государства-лидера, которое определяет дальнейшие параметры развития мировой системы как системы глобального управления. С течением времени происходит неизбежное перераспределение силы, и гегемон утрачивает власть. Каждый цикл неизбежно завершается войной за первенство между великими державами.

² Interview with Lee Kwan Yew. Charlie Rose. The Power of Question. 22.10.2009. (<https://charlierose.com/videos/15567>).

³ Official: China won't upend the global order. 10.01.2024. (<https://www.ecns.cn/news/2024-01-10/detail-ihcwrvv3808286.shtml>); Senior CPC official's US trip to push bilateral ties for a stable start in 2024. 09.01.2024. (<https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305067.shtml>).

После 2000 г., по прогнозам Модельски, США постепенно должны были утрачивать силу и власть, а к 2030 г., как предполагалось, произойдет смена глобального лидера. После завершения очередного цикла важно обеспечить рост мировой экономики, которая переживает экспоненциальные кризисы, связанные прежде всего с ростом потребления при ограниченности ресурсов. В работе «Сценарий развития мировой политики до 2016 г.», опубликованной в 1987 г., эксперт предположил, что глобальная война в период смены мирового лидера маловероятна [Modelski 1987]. Более того, ко времени заката США СССР должен был сохранить позиции великой державы, тогда как растущие Китай, Индия, Япония и Евросоюз еще не были бы в состоянии оспорить американское лидерство. Модельски полагал, что к 2016 г. мир в значительной мере сохранит биполярную конфигурацию и будет относительно стабильным, хотя и возникнут новые коалиции. Основные политические проблемы по-прежнему будут связаны с предотвращением ядерной войны и формированием обновленной международной системы. Согласно прогнозу, центр мирового развития должен сместиться в АТР, советская (российская) и китайская политическая активность на Дальнем Востоке существенно возрасти. Однако, по мнению автора теории циклов, к 2030 г. мир ввиду информационной революции и эрозии суверенитетов государств все же подошел бы к порогу глобальной войны, сущность которой ввиду разрушительного характера современного оружия будет совершенной иной, нежели мировые войны XX в. [Rasler; Thompson 1994, 20–21].

Несмотря на то, что применение теории циклов не позволило предсказать крушение Советского Союза, а в ряде случаев анализ исторического развития был подменен математической экстраполяцией в угоду универсализации, в данной теории довольно верно отражены современные тенденции мирового развития. Стремление к многополярности в ряде случаев сводится к биполярной конфронтации, а вторым полюсом, который мог бы оспорить американскую гегемонию, пусть пока и в ограниченных масштабах в рамках АТР, стал Китай. Более того, 2030 г. действительно фигурирует во многих доктринальных документах, регламентирующих развитие вооруженных сил и стратегию национальной безопасности США, Китая и России.

В этой связи интересен подход американского политолога Р. Гилпина, который считал, что международные отношения постоянно меняются, а могущество связано с экономическим лидерством государства. Центральное место в разработанной им теории гегемонистской стабильности занимает концепция экономического лидерства государства-гегемона с учетом совокупности его интересов. В этом случае международные отношения предстают как определенный вид подчинения, наиболее стабильный из которых – имперский или гегемонистский. Биполярные и многополярные модели мироустройства, основанные лишь на балансе сил, представляются ученому нестабильными [Gilpin 1981, 107].

Гилпин описывает цикличность как динамику неравномерного роста показателей экономической, военной и технологической мощи. После достижения высшей точки гегемон сталкивается с тенденциями, возвращающими международную систему в силовое равновесие. Гилпин предполагал, что в определенный момент США не смогут платить за мировое лидерство и управлять глобализацией, масштаб которой существенно преувеличен [Gilpin 2000, 3–10]. Более того, дестабилизирующим международную систему фактором оказывается регионализация – стремление региональных лидеров к доминированию в рамках исторических пространств, когда выход на новые рынки обеспечивает блокировка интеграционных объединений. По мнению Гилпина, развязыванию глобальной войны предшествуют несколько событий: сжатие пространства, свободного от конфликта интересов; уменьшение возможностей для компромиссов из-за представления всех политических ситуаций в виде игры с нулевой суммой; намеренное инициирование превентивных

конфликтов в социальной, экономической и идеологической сферах; утрата политиками контроля над ситуацией. Несмотря на заметные несовершенства этой концепции, особенно в том, что касается связи гегемонизма с мировой экономикой, а также тождественности внутренней и внешней политики, развитие международных отношений во многом соответствует ее положениям.

Американские политологи предвидели рост мощи и влияния Китая. В частности, С. Хантингтон писал, что внешняя экспансия Великобритании, Франции, Германии, Японии, СССР и США совпала с фазой интенсивной индустриализации. Китай только в начале 1990-х гг. достиг данной стадии экономического развития, поэтому расширение его влияния на протяжении следующих лет неизбежно [Huntington 1991, 12]. Однако ученый не видел в КНР экзистенциальной угрозы, не наделял ее агрессивными чертами и конфликтным потенциалом.

Известный международник Дж. Миршаймер также высказывал уверенность относительно того, что Китай будет стремиться к доминированию в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а возможно, и в мире, повторяя путь многих потенциальных гегемонов [Mearsheimer 2001, 400]. На его взгляд, главная проблема состоит в том, что США не выработали эффективную модель взаимодействия с КНР, концентрируя внимание на глобалистских представлениях о международной системе, рассматривая развитие тех или иных региональных держав исключительно в краткосрочной перспективе.

Страны Запада на протяжении последних двух веков определяли мировую политику, сосредоточив в своих руках большую часть мирового богатства. Именно поэтому Китай, экономика которого за 30 лет политики реформ и открытости увеличилась в несколько раз, видится олицетворением «восточного вызова» евро-атлантической парадигме международных отношений. Однако главный вызов связан не столько с возвышением КНР, сколько с системным кризисом американоцентричного порядка. Говоря об очевидном росте потенциала КНР превратиться из региональной державы в глобальную, необходимо избегать линейной макиавеллистской логики. Экономическое развитие Китая само по себе не представляет прямой и явной угрозы Соединенным Штатам, военные приготовления также напрямую не направлены против Вашингтона. Китайские лидеры не стремятся к полномасштабной войне, вопреки оценкам некоторых экспертов, которых можно отнести к противникам Китая [Babbin, Timperlake 2006]. Более того, суммируя мнения американских специалистов по Китаю, можно сделать вывод, что для США усиление КНР таит в себе больше возможностей, чем опасностей. Если же относиться к Пекину только как к врагу, то рано или поздно он таковым и станет [Friedberg 2012, 5].

Некоторые западные аналитики выражают сожаление, что после распада СССР американская администрация долгое время воспринимала Восточную Азию исключительно как экономического партнера, не уделяя должного внимания политике и безопасности. Государственный департамент и Министерство обороны США выступали во взаимодействии с регионом на вторых ролях. В результате Вашингтон оказался не готов к существенному перераспределению баланса сил, вызванному возвышением Китая, и был вынужден реагировать на новую ситуацию на международной арене в срочном порядке [Friedman 2012, 168]. Бесспорно, спешка и явная наступательная позиция США крайне беспокоят Пекин и создают непростую ситуацию выбора единственного стратегического партнера для многих стран АТР.

США vs КНР: трудности взаимного восприятия

Одно из главных противоречий в американо-китайских отношениях связано с принципиальным различием политических систем и идеологий. Именно тот факт, что себя США провозглашают либеральной демократией, а Китай объявляют авторитарным государством, противопоставляя себе, усиливает взаимное недоверие и конкуренцию. Политолог М. Дойл полагал, что в отношениях между демократиями и теми государствами, которыми они таковыми не считают, всегда присутствуют подозрения [Doyle 1983]. В представлениях большинства американцев образ Китая неизменно связан с нарушениями прав человека и узурпацией власти некой верхушкой, что имеет негативную коннотацию в либеральной традиции. Эта особенность общественного мнения существенно затрудняет межправительственный диалог, укрепляет взаимное неприятие.

На протяжении более чем двадцати лет американские официальные лица призывают китайских коллег быть более открытыми в вопросах безопасности, оборонных расходов. Однако ввиду особенностей механизма принятия решений в этой сфере Пекин весьма неохотно идет на диалог, поскольку считает эти вопросы входящими в перечень его основных национальных интересов. Впрочем, даже если бы КНР вдруг начала проводить более открытую информационную политику, в Вашингтоне восприняли бы это как дезинформацию и двойную игру [Friedberg 2012, 43]. По-видимому, можно говорить о том, что в США сознательно противопоставляют Китай западному миру и отрицают китайский подход к построению демократии, гражданского общества и правового государства.

Согласно опросу, проведенному Центром Пью (Pew Research Center), в 2012 г. 65% американцев оценивали американо-китайские отношения как хорошие, однако 66% считали Китай конкурентом, а 15% – врагом. 68% респондентов в США полагали, что КНР нельзя доверять, однако основную угрозу американцы усматривали в области экономического, а не военного противостояния (59 против 28% соответственно). Кроме того, 59% жителей США, участвовавших в опросе, были уверены, что КНР не учитывает интересы Америки в своей внешней политике. Интересно, что практически одинаково были озабочены позицией Китая сторонники и Республиканской, и Демократической партий, чего не наблюдалось с распада СССР⁴.

Через десять лет – в 2023 г., Pew Research Center опубликовал результаты очередного подобного опроса, которые свидетельствуют о резком ухудшении восприятия Китая и его политики в американском обществе: теперь уже 83% респондентов относятся к Китаю скорее негативно, при этом рост таких настроений составлял примерно 4% в год. 40% опрошенных видят в КНР противника США, что на 13% больше, чем год назад. Примечательно, что главная угроза видится не в Китае так таковым, а в укреплении китайско-российского партнерства (62%). Кроме того, 47% американцев считают серьезной проблемой, способной вызывать конфликт, ситуацию в Тайваньском проливе⁵. Конечно, мнения респондентов складываются в значительной мере под влиянием официальной позиции властей.

Двадцать лет назад аналитики американской некоммерческой научно-исследовательской организации RAND утверждали, что в случае большей демократизации Китая по

⁴ How Americans and Chinese View Each Other. Pew Research, Global Attitudes Project. 01.11.2012. (<http://www.pewglobal.org/2012/11/01/how-americans-and-chinese-view-each-other>).

⁵ Americans are critical of China's global role – as well as its relationship with Russia. Pew Research Center. 12.04.2023. (<https://www.pewresearch.org/global/2023/04/12/americans-are-critical-of-chinas-global-role-as-well-as-its-relationship-with-russia>).

западному образцу предубеждение американских политиков относительно непредсказуемости и агрессивности коммунистического режима может быть преодолено, и это облегчит принятие решения о сокращении военного присутствия США в западной части Тихого океана [Burles, Shulsky 2000]. Однако данный прогноз не сбывся: оказалось очень удобно оправдывать рост собственной военной активности в АТР пресловутым недостатком в Китае демократии.

Следует иметь в виду, что попытки Вашингтона полностью изолировать и подчинить себе КНДР, Иран, Сирию и некоторые другие страны потерпели неудачу во многом благодаря активной китайской позиции. Позитивный образ КНР крепнет среди стран с переходными формами правления или режимами с четко выраженными национальными особенностями на Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке, Центральной и Юго-Восточной Азии, поскольку сотрудничество с Китаем воспринимают там как источник экономического благополучия и безопасности [Ramo 2004].

Китайские лидеры новой формации не считают себя революционерами, обязанными разжечь мировой пожар, однако не сомневаются в том, что Вашингтон – их главный идеологический соперник, который добивается верховенства империалистических принципов по всему миру под видом борьбы с тиранией и распространения демократии. Китайские аналитики внимательно изучили опыт развала СССР, а также изоляции КНДР, Кубы, Ливии, Ирака, Ирана и Венесуэлы от внешнего мира и поэтому склонны создавать новые идеологемы и модели, привлекательные для возможных партнеров. Китай выстраивает собственный имидж, сочетая элементы торговой дипломатии и «мягкой силы», не акцентируя внимание на наращивании силового потенциала, что позволяет многим странам не воспринимать его как угрозу своей безопасности и суверенитету. Сегодня такой подход можно назвать формированием потенциала дискурсивной силы [Денисов 2020], когда многомерное международное сотрудничество с КНР постепенно создает новую реальность с собственными механизмами и логикой.

Препятствия для американо-китайского сближения

В соответствии с постулатами так называемой теории демократического мира, демократии друг с другом не воюют, тяготея к миру [Дугин 2013, 130–133]. Спорность подобного излишне общего суждения очевидна, но такова логика адептов теории. Так, М. Доил полагал, что взаимодействия между демократиями более безопасны для участников, поскольку решение о войне с похожим режимом вряд ли может быть популярным. В отношении же недемократий либеральные государства вполне могут прибегать к интервенциям, превентивным ударам и т. д. с целью обеспечить собственную безопасность, которая представляется универсальным благом [Doyle 1983].

В середине 1990-х гг. американский экономист Роуэн рассчитал, какой уровень ВВП на душу населения необходим, чтобы начался демократический транзит. Согласно этим выкладкам, КНР уже к 2015 г. должна была стать демократией либерального типа [Rowen 1996]. Политолог Б. Джилли считал, что Компартия Китая будет затягивать демократический транзит на протяжении первых двадцати лет нового века, однако с 2019 г., возможно, в ознаменование 70-летней годовщины образования КНР, будут начаты политические реформы в соответствии с ожиданиями населения и ростом уровня жизни [Gilley 2004, 32]. Как видим, западные специалисты не учли китайских особенностей построения демократического среднезажиточного общества, в котором нет запроса на повышение политической активности граждан за рамками разрешенных политических партий.

В этой связи с целью сформировать некие общие ценности Вашингтон всячески приветствовал участие КНР в различных интеграционных объединениях и отраслевых организациях, таких как форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, Региональный форум Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, Всемирная торговая организация. В 1990–2000-е гг. активно шли двусторонние консультации по вопросам безопасности, военные обмены и учения. Американские политики неоднократно высказывались о Китае как об «ответственном акционере» в Тихоокеанской Азии [Zoellick 2005]. Однако институционализация партнерства так и не стала достаточным основанием для снижения конфликтности, тем более что Пекин предпочел двусторонние схемы или контролируемые им самим форматы, такие как Шанхайская организация сотрудничества или АСЕАН+3, впоследствии выросший до уровня Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) – самой большой в мире зоны свободной торговли.

В 1970-х гг. одной из причин американо-китайского сближения служила общая «советская угроза». Сегодня отсутствуют серьезные угрозы, требующие совместных усилий Вашингтона и Пекина. Некоторое время американо-китайский диалог строился вокруг «северокорейской ядерной проблемы» даже после провала шестисторонних переговоров. Однако распространение оружия массового уничтожения и ракетных технологий не представляет для КНР реальной опасности, несмотря на четкую негативную позицию относительно ракетно-ядерной программы Пхеньяна. В настоящее время видение ситуации Китаем и Россией полностью противоречит американскому подходу к вопросам безопасности на Корейском полуострове и во всей Восточной Азии.

Что касается транснационального терроризма исламского толка, то для Китая эта проблема актуальна только применительно к Синьцзяну, причем как сугубо внутренняя, что исключает любое внешнее вмешательство. Пекин выстраивает борьбу с радикализмом вокруг пресечения контактов международных ячеек с экстремистами в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Тибете. Транснациональная преступность, проблемы здравоохранения и охраны окружающей среды не настолько важны, чтобы напрямую угрожать существованию государства, а потому сотрудничество со странами Запада в этой области не является для КНР жизненно необходимым.

Достаточно перспективным направлением сближения могло бы стать подписание Китаем со странами АСЕАН Кодекса о поведении в Южно-Китайском море, который потенциально способствовал бы урегулированию территориальных противоречий. Вместе с тем США настаивают на одностороннем сворачивании Китаем всей военной активности в регионе. США не подписали Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. и не признают ее положения. Поэтому они полагают возможным осуществлять миссии по безопасности мореплавания (FONOP) в Южно-Китайском море, что в КНР считают неприемлемым. Более того, страны АСЕАН в настоящее время склонны самостоятельно договариваться с Китаем, ставя экономические интересы выше политических – ведь существенная часть товарооборота стран Юго-Восточной Азии приходится на КНР⁶.

Обладание ядерным оружием и стратегическими носителями – достаточное основание для поддержания постоянного диалога на высшем уровне и мощный фактор сдерживания. Американский политолог Э. Голдстейн полагал, что ситуация ядерного сдерживания существенно уменьшает опасность, которую таит в себе обретение Китаем статуса глобальной державы, поскольку в этом случае его поведение должно стать более предсказуемым [Goldstein 1998, 70]. Однако пока что противостояние США и Китая не достигло

⁶ Tiezzi, S. Why China isn't interested in the South China Sea Code of Conduct. The Diplomat. 26.02.2014. (<http://thediplomat.com/2014/02/why-china-isnt-interested-in-a-south-china-sea-code-of-conduct/>).

критического уровня. Стратегические ядерные силы КНР выстроены по принципу минимально необходимого уровня сдерживания, что позволяет отложить вопрос об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ) подобно американско-российским договорам об СНВ и статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Пекин полагается на действенность собственного заявления о неприменении ни при каких условиях ядерного оружия первым против любого противника в качестве гарантии от ядерного удара⁷. Более того, опыт американско-советского ядерного сдерживания показывает, что сверхдержавы охотно вступают в противоборство опосредованно – на мировой периферии, не признавая открытого конфликта между собой [Barass 2009; Стародубов 2007]. Поэтому даже если Пекин и решится в будущем на переговоры об СНВ, это не станет надежной гарантией улучшения отношений с Вашингтоном.

Учитывая, что уже развернутые системы противоракетной обороны США наземного и морского базирования существенно ограничивают возможности стратегических ядерных сил КНР, вероятно, Китай мог бы присоединиться к отдельным российским инициативам и противодействовать попыткам США развернуть наземные и морские мобильные компоненты американской противоракетной обороны в АТР.

Может ли Китай стать новым гегемоном?

При рассмотрении возможности замены Соединенных Штатов Китаем в качестве глобального лидера стоит предварительно ответить на два вопроса: нужно ли это самому Китаю и располагает ли он соответствующим потенциалом? По мнению председателя КНР Си Цзиньпина, «Китай не желает становиться так называемым мировым полицейским или замещать кого-либо в этой роли»⁸.

В КНР внимательно изучили американский опыт создания международных институтов, с помощью которых Вашингтон контролирует мировые финансовые и хозяйственные процессы, а также поддерживает функционирование Бреттон-Вудской системы. Китай пока не имеет достаточного опыта создания универсальных многосторонних механизмов и продвижения собственных стандартов и модели развития. Определенные шансы на успех связаны с идеей развернуть региональный финансовый институт на основе Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, а также расширить инициативы по линии БРИКС, например, по расчетам в национальных валютах. По-видимому, создание универсальной организации, которая будет обеспечивать высокую степень экономической и политической интеграции стран региона, типа Европейского союза, пока не отвечает интересам Пекина⁹.

Для Китая чрезвычайно полезен российский опыт сохранения общего культурного и экономического пространства в рамках СНГ, в том числе и негативный пример Украины. Кроме того, Пекин извлек уроки из практики многосторонней кооперации по линии Шанхайской организации сотрудничества, включая формирование равноценного партнерства и следование принципу взаимной выгоды. Как представляется, Москва заинтересована в участии Пекина в интеграционных объединениях и рассчитывает в дальнейшем разделить с ним сферы ответственности на евразийском пространстве.

⁷ В Китае заявили, что не намерены первыми применять ядерное оружие. ТАСС. 03.08.2022. (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15376033>).

⁸ 习近平：中国不想成为所谓的“世界警察” (Xi Jinping. China doesn't want to be a world's policeman). 中国网 (China.com). 2015-10-19. (http://www.china.com.cn/news/2015-10/19/content_36838756.htm).

⁹ Xue Li, Cheng Zhangxi. Will China replace the US global role? The Diplomat. 28.04.2018. (<https://thediplomat.com/2018/04/will-china-replace-the-us-global-role/>).

Пекин полагается на идеи многополярности, поэтому формально не намерен устанавливать ситуацию баланса сил в Восточной Азии. Доминирование Вашингтона в АТР китайское руководство признает несправедливым, отмечая, что «азиатские вопросы должны решаться самими азиатами»¹⁰. Вопрос о постепенном снижении влияния США при росте могущества Китая в Восточной Азии для китайцев решен. Регион рассматривается как геополитическое жизненное пространство для устойчивого развития КНР, тогда как деятельность США вбивает клин между Китаем и его естественными союзниками в регионе [Xu, Zhao 2007]. Некоторые аналитики считают, что миссия Китая – бросить глобальный вызов Соединенным Штатам¹¹. Однако наиболее целесообразный вариант ответных действий Китая на недружественную деятельность США – формирование внешнего окружения путем создания механизмов и институтов сотрудничества при постепенном создании значимого военного потенциала в стратегически важных для страны районах.

Профессор Пекинского университета международных отношений Цинь Яцин утверждает, что современная китайская система международных отношений, которую Пекин продвигает в АТР и некоторых других регионах, подразумевает наличие политической власти и общественного порядка на «природных» принципах [Qin 2013]. Структура международной системы иерархична, так как гармонию и безопасность должно поддерживать одно самое авторитетное государство. Можно сказать, что Китай противостоит анархичной Вестфальской системе международных отношений, которая провоцирует межгосударственные конфликты, фокусируясь на национализме. Подобный подход, в случае его успеха на политическом, экономическом и культурном уровнях, формирует некое «общество Поднебесной», где центр не эксплуатирует, а защищает периферию, исходя из принципов взаимозависимости и процветания как Китая, так и всех его соседей и исключая любое вмешательство во внутренние дела друг друга.

В 2004 г. американский политолог Дж. Рамо описал Пекинский консенсус как модель впечатляющих достижений и привлекательного опыта КНР. Основные особенности данной модели: успешная адаптация к глобализации, ключевая роль государства в экономике, рост промышленности, улучшение уровня жизни населения, стремительное развитие науки, техники и образования [Ramo 2004]. По мнению ученого, некоторые страны Восточной Азии и Латинской Америки, которые изначально следовали Вашингтонскому консенсусу, позднее переняли китайскую стратегию социально-экономического развития. Пекинский консенсус, в отличие от Вашингтонского, делает акцент на этических принципах, общественном развитии, экономическом росте, а также глобальном балансе сил.

Профессор Дин Шэн из Университета Блумсберг полагает, что современная КНР может позиционировать себя в качестве державы, которая способна изменить статус-кво в регионе в свою пользу. Китай следует глобальной стратегии, основанной на «мягкой силе», и эффективно применяет ее на пути к статусу доминантной державы. Пекинское руководство, продолжая всестороннюю модернизацию, не только продвигает идею «мягкой силы», но и внедряет новую глобальную стратегию, основанную на формировании благоприятного имиджа страны [Ding 2010].

В целом представляется справедливой оценка австралийского политолога Х. Уайта, который характеризует линии поведения Вашингтона и Пекина в отношении друг друга

¹⁰ Chin C. Xi Jinping's 'Asia for Asians' mantra evokes imperial Japan. South China Morning Post. 14.07.2014. (<http://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/1553414/xi-jinpings-asia-asians-mantra-evokes-imperial-japan>)

¹¹ Buckley C. China PLA Officer Urges Challenging U.S. Dominance. Reuters. 28.02.2010. (<http://www.reuters.com/article/2010/03/01/us-china-usa-military-exclusive-idUSTRE6200P620100301>).

как «ведущие к катастрофе»¹². Китай выстраивает новую модель отношений между великими державами, одним из центральных элементов которой можно считать стремление ослабить влияние США в Восточной Азии. Вашингтон в свою очередь заявляет о желании защитить азиатских союзников и партнеров от «гегемонии Пекина». Обе стороны прибегают к демонстрации силы, которую можно рассматривать как подготовку к ограниченному столкновению на море и в воздухе, что обусловлено географическими особенностями АТР, страны которого выходят к обширным морским пространствам.

Однако следует учитывать мотивацию сторон на применение силы. Так, поведение США свидетельствует о намерениях и далее эксплуатировать страны Восточной Азии, провоцируя напряженность в регионе, чтобы не допустить объединения государств на принципах гармонии и взаимной выгоды. Китай защищает исключительно собственные интересы, ориентируясь на безопасность и развитие. Именно этим объясняется его все более тесное партнерство с Россией в военной, политической и других стратегических областях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Баранов Н.А. (2018) Турбулентность – характерный признак современной мировой политики // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. № 2. С. 6–16.

Baranov N. (2018) Turbulennost' – kharakternyy priznak sovremennoy mirovoy politiki [Turbulence as a distinguishing feature of the contemporary world politics]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel' – Observer*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.)

Денисов И.Е. (2020) Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. Т. 11. № 4. С. 42–52.

Denisov I. (2020) Kontseptsiya “diskursivnoy sily” i transformatsiya kitayskoy vneshney politiki pri Si Tsin'pine [The Concept of ‘Discursive Power’ and the Transformation of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]*, vol. 11, no. 4, pp. 42–52. (In Russ.)

Дугин А.Г. (2013) Международные отношения: парадигмы, теория, социология. М.: Академический проект. 348 с.

Dugin A. (2013) *Mezhdunarodnye otnosheniya: paradigm, teoriya, sotsiologiya*. [International Relations: paradigms, theory, sociology]. Moscow: Akademicheskii proekt. 348 p. (In Russ.)

Современные теории международных отношений (2013) / Ред. В.Н. Конышев, А.А. Сергунин. М.: РГ-пресс. 368 с.

Sovremennye teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [Contemporary international relations theories] (2013) / Eds: V.N. Konyshchev, A.A. Sergunin. Moscow.: RG-Press. 2013. 368 p. (In Russ.)

Стародубов В.П. (2007) От разоружения к капитуляции. М.: Вече. 416 с.

Starodubov V.P. (2007) Ot razoruzheniya k kapitulyatsii. [From disarmament to capitulation]. Moscow.: Veche. 2007. 416 p. (In Russ.)

Babbin J., Timperlake E. (2006) Showdown: Why China wants War with the United States. Washington D.C.: Regnery. 226 p.

Barras G. (2009) The Great Cold War: a Journey through the Hall of Mirrors. Stanford: Stanford University Press. 484 p.

Burles M., Shulsky A. (2000) Patterns in China's Use of Force: Evidence from History and Doctrinal Writings. Santa Monica: RAND. 122 p.

¹² White H. Why China and America are Headed Toward a Catastrophic Clash. The World Post. 06.02.2014. (http://www.huffingtonpost.com/hugh-white/china-america-relations_b_5412014.html).

- Ding S. (2010) Analyzing rising power from the perspective of soft power: a new look at China's rise to the power // *Journal of Contemporary China*. Vol. 19, no. 64, pp. 255–272.
- Doyle M. (1983) Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs // *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 12, no. 3, pp. 205–235.
- Friedberg A. (2012) *A Contest for Supremacy: China, America and the Struggle for Mastery in Asia*. New York: W.W. Norton & Company. 384 p.
- Friedman G. (2012) *The Next Decade: Empire and Republic in a Changing World*. New York: Anchor books. 272 p.
- Gilley B. (2004) *China's Democratic Future: How it will happen and where it will lead*. New York: Columbia University Press. 320 p.
- Gilpin R. (2000) *The Challenge of Global Capitalism: the World Economy in the 21st Century*. Princeton: Princeton University Press. 408 p.
- Gilpin R. (1981) *War and Change in World Politics*. New York, Cambridge: Cambridge University Press. 288 p.
- Goldstein A. (1998) Great Expectation: Interpreting China's Arrival // *International Security*. Vol. 22, no. 3. Winter. P. 36–73.
- Huntington S. (1991) America's Changing Strategic Interests // *Survival*. Vol. 33, no. 1, pp. 3–17.
- Mearsheimer J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton, 2001. 592 p.
- Modelska G. (1987) Scenario for the year 2016 // *Exploring long cycles*. Ed.: G. Modelska. Lynne Rienner Publishers. P. 218–248.
- Qin Y. (2013) Culture and global thought: Chinese international theory in the making // *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*. No. 100, pp. 67–89.
- Ramo J.C. (2004) *The Beijing Consensus: notes on the new physics of Chinese power*. London: The Foreign Policy Center. 74 p. (<http://fpc.org.uk/fsblob/244.pdf>)
- Rasler K., Thompson W. (1994) *The Great Powers and Global Struggle 1490–1990*. Lexington: The University Press of Kentucky. 296 p.
- Rosenau J.N. (1990) *Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 480 p.
- Rowen H. (1996) The Short March: China's Road to Democracy // *National Interest*. Vol. 45. Fall. P. 61–70.
- Yan X. (2019) The Age of Uneasy Peace // *Foreign Affairs*. January/February. Vol. 98, no. 1, pp. 40–49.
- Zoellick R. (2005) Whither China: from Membership to Responsibility? Remarks to a National Committee on U.S.–China relations. New York. September 21. U.S. Department of State Archive. (<http://2001-2009.state.gov/s/d/former/zoellick/rem/53682.htm>)
- Xu P., Zhao Q. (2007) Zhongguo zhoubian anquan huanjing touxi [An Analysis of China's peripheral security environment] // *Guoji Wenti Yanjiu*. no. 2, pp. 26–31. (in Chinese).

Информация об авторе

Губин Андрей Владимирович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. Адрес: 690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, 10. E-mail: gubin.av@dvfu.ru

Адъюнкт-профессор Исследовательского центра Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета. Адрес: 130012, Китай, г. Чанчунь, район Чаоян, ул. Цяньцзинь, д. 2699.

About the author

Andrey V. Gubin, Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor, International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University. Address: 690922, 10, Ajax, Russkiy island, Vladivostok, Russia. E-mail: gubin.av@dvfu.ru

Adjunct-Professor, North East Asia Research Center, Jilin University. Address: 130012, 2699 Qianjin street, Chaoyang district, Changchun, China.

Статья поступила в редакцию / Received: 01.09.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 05.02.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 14.04.2024